

(раза в три сокращенная) редакция. Сопоставление этих трех текстов показывает, что самый лучший текст — Финляндский. В нем сохранились некоторые чтения, утраченные или искаженные в Паисиевском списке. Разночтения с Паисиевским сборником Финляндского и Румянцевского текстов, как показано ниже, совпадают:

Финляндский и Румянцевский
списки

Написавше свет в болван и кланяются твари.

Вернии же людие бегают того, и тако творяще, не тварь хулят, но Творцю кланяются.

Тако бо и мудрый рече: Господь створи зоря (в Румянцевском: заря) и солнце.

Яко неиспытаны судьбы его и неисследовани путие его.

Болван бо есть съпрятан, выдолбен, написан (в Румянцевском: вырезан).

Паисиевский список

Написавше свет болваном и кланяются ему.

Вернии же людие бегают того.

Господь рече: Сотворим заря и солнце.

Яко неиспытанный суд бысть его.

Болван во идол написан...

Из этих примеров видно, что Паисиевский текст (хотя это и наиболее полный список) содержит ряд явных искажений, проявившихся в сравнении со старшими, неполными текстами. Однако именно Паисиевский текст лег в основу исследований памятника.

Е. В. Аничков уделяет несколько страниц своей книги «Язычество и древняя Русь» анализу этого памятника в ряду других антиязыческих сочинений. Он справедливо подчеркивает компилятивность «Слова», его бессистемность, «говорение одновременно о разных вещах» (о неделе, о свете и светилах, об иудаизме, о плясках, о трапезе роженицам и т.д.), приблизительность цитирования. Все это, по его мнению, свидетельствует о том, что составитель цитировал свои источники по памяти. С этим, по-видимому, связано отсутствие в Паисиевской редакции (в отличие от Румянцевской и Финляндской) указаний на источники и авторов. Воссоединяя куски текста по смыслу, Е. В. Аничков пытается вывести представление о протографе памятника. Основанием для такого рода умозаключений являются случаи не совсем удачных изменений первоначального текста для новых целей, например в следующем отрывке: «Тако бо мудрый рече: господь створи зоря и солнце, и свет пролияся и освети всю вселенную, а не рече о болване. Болван бо есть съпрятан, выдолбен, написан, осяжен, а не пролияся, яко свет на всю вселенную и есть свет неосяжен». Из данного контекста не ясно, какая связь между болваном и светом. Очевидно, в протографе осуждалось олицетворение и почитание света и светил. В других случаях цитирования также наблюдается несоответствие цитат контексту, свидетельствующее о том, что составитель использовал другое полемическое компилятивное сочинение, более общее по содержанию; несообразность некоторых цитат объясняется сужением темы проповеди от общего обличения двоеверия, «поклонения твари паче творца», до обличения конкретной его формы, например олицетворения недели, света и т.д. Это характерно и для других проповедей «вторичной формации», таких как «Слово о играх и плясании», «О жалеющих» (т.е. о заплачках), «О поставляющих трапезы роду и роженицам» и т.д. Таким образом, нахождение протографа — оригинального или переводного — представляется очень затруднительным, ибо мы имеем дело с использованием произведения общего характера в нескольких более частных проповедях. При этом такая обработка текста производилась не одновременно.